

Николай Федорович Гикало

О.М. Морозова

Революционер по традиции предстает в образе человека, живущего только идеей, либо — прагматичным человеком, участвующим в выстраивании нового мира, конкретно приспособленного под его нужды, смело принимающего решения за других, но всегда в своих интересах. Он также отважен, умен и решителен, но отличается тем, что интерес в революции у него сугубо личный. Основная масса рядовых участников, искренне веря в лозунги и программы, также стремилась завоевать лучшую жизнь для себя. Герой этой статьи, в отличие от масс, которыми руководил, с самого начала готовил свой послевоенный карьерный рывок, хорошо понимая, что революция не может сделать счастливыми всех.

К 1937 г. Николай Федорович Гикало имел блистательную биографию героя гражданской войны и преуспевающего партийного функционера. Ее вполне могла украшать фраза: на всех участках работы, куда направляла его партия, он проявлял энергию, твердость и принципиальность. Прекрасный послужной список не спасал видных советских деятелей от репрессий. Попал под нож революционной гильотины и Гикало. Трагическая гибель придала ему ореол мученика и революционера-романтика, кем он, по-видимому, не был.

Связанные с его именем победы в гражданской войне на территории Северного Кавказа не были выдающимися, но ему повезло оказаться в одной связке с такими вождями терских большевиков, как С.М. Киров и Г.К. Орджоникидзе, так что слава не могла его миновать. С 1921 г. он начал подъем по ступеням партийной лестницы. Работал на руководящих постах в партийных органах Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии, Москвы (в 1931 г. — секретарь МК и МГК партии). С 1932 г. — первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. С 1934 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б). Был делегатом XII—XVII съездов партии. Награжден орденом Ленина и орденом Красного Знамени. Перед арестом в 1937 г. несколько месяцев был первым секретарем Харьковского горкома КП(б) Украины, куда был переведен из Белоруссии — с явным понижением. Текст его биографии содержит почти обязательный

для партийно-советского руководителя 1930-х гг. итоговый рефрен: Расстрелян... Реабилитирован...¹

Биографические данные не гарантируют понимания личности: движущие мотивы поступков исторического персонажа и его самобытность остаются непроясненными. Гикало отличается тем, что существуют документы, которые позволяют характеризовать его гораздо глубже, чем любой даже самый подробный рассказ современника. Это — документы штаба Терской областной группы красных повстанческих войск, относящиеся к первому полугодю 1920 г. и присланные в Москву, в редакцию издания «История гражданской войны в СССР». Сохранились не только штабные документы — приказы, оперативные сводки, донесения, протоколы отрядных собраний и заседаний военно-революционного трибунала, но и текущая переписка членов штаба между собой, с лидерами горцев, контактировавших с большевиками, и немного личных бумаг. Отрывочность сведений в этих документах требовала длительной подготовительной работы, восстановления недостающих данных; в результате картина гражданской войны на Северном Кавказе становится полнее, а схематичные образы людей, оставившие след в этих бумагах, обретают живые черты.

Николай Федорович Гикало родился в 1897 г. в Одессе: по версии официальной биографии — в семье мелкого служащего; но если сказать точнее, его отец служил фельдфебелем. В 1901 г. семья переехала в Грозный. Как сын ничем не выдающихся мещан, Николай обучался в двухклассном городском училище. Когда отец умер, мать получила место сиделицы в казенной винной лавке. За эту работу платили хорошо — в год 300 руб., а иногда и выше, при казенной квартире. У Николая были брат Павел и сестра Вера.

В 1915 г. он окончил трехгодичный курс обучения в Тифлисской военно-ветеринарной школе. О его участии в войне сведения разнятся. По одной версии, он добровольцем пошел в действующую армию, воевал на Кавказском фронте, был награжден Георгиевским крестом, по другой — служил ветеринаром при госпитале, и его обязанностью было наблюдение за санитарным состоянием мяса, поступающего для питания больных и раненых.

Официальной датой вступления в РСДРП(б) Гикало указывал июнь 1917 г., но эта дата в партийной учетной карточке вызывает сомнения. Летом 1917 г. Гикало продолжал находиться в армии. Кавказский фронт был наименее распропагандированным, и, по воспоминаниям кубанских большевиков, когда осенью 1917 г. они выезжали туда с целью агитации, то имели дело с совершенно девственной в политическом отношении солдатской массой; разве что в частях, расположенных в городах Грузии и Армении, сильны были симпатии к эсерам и меньшевикам.

Обстановка в Грозном, сложившаяся к концу 1917 г., отражала сложные политические процессы, в которые были втянуты рабочие нефтепромыслов, солдаты местного гарнизона и следовавшие в эшелонах с фронта, терское казачество и горцы.

Конфликт между русскими и чеченцами, спровоцированный в мае 1917 г. стычкой на базаре между солдатами и горцами, привел к тому, что летом начались нападения чеченцев на линию железной дороги, а после вывода из Грозного воинских частей — и на нефтепромыслы. Демократически настроенные чеченские интеллигенты, А. Мутушев, Т. Эльдарханов, А. Шерипов и другие, стремились сотрудничать с Грозненским советом депутатов и предотвратить межнациональные столкновения. Но выступления безземельных крестьян, требовавших решения аграрного вопроса любыми средствами, вызвали дезорганизацию всей общественной жизни и новую волну грабежей и разбоев. Влиятельные шейхи и муллы, чья общественная роль традиционно далеко выходила за сферу религиозной жизни, старались перераспределить

власть в свою пользу. Их возглавил шейх Дени Арсанов, избранный в конце июня комиссаром Грозненского округа. Его провокационная деятельность привела к самоустранению от общественной жизни влиятельного председателя Чеченского исполнительного комитета адвоката Ахмеда Мутушева, и с октября в регионе началась подлинная анархия².

В начале ноября 1917 г. в Грозном была провозглашена советская власть. Грозненский совет рабочих депутатов потерял контакт с Чеченским комитетом, во главе которого встали офицер Чеченского конного полка поручик Муса Курумов, шейх Дени Арсанов, при участии нефтепромышленника Абдул-Меджида Чермоева. В этом же месяце на ст. Грозная были убиты два офицера и несколько всадников Чеченского полка. Началась борьба между Чеченским комитетом и Грозненским советом. Бронепоезда грозненских рабочих обстреливали аулы³.

Рассказ грозненского пролетария Никиты Лукьянова-Никитина, записанный позднее, показывает, что конфликт в момент обострения осенью 1917 г. благодаря усилиям мулл и шейхов приобрел черты национально-религиозного. Никитин воспроизвел разговор со знакомым чеченцем, который ему заявил: «Всех русских надо отправить на Дон, Кавказ принадлежит нам». — «А мы, русские, куда?» — и услышал в ответ: «[Вы] у нас нажились, это все наше». Увидев толпы, направляющиеся к нефтяным промыслам, Никитин спросил, куда идет этот народ. Ему ответили: «Будут сейчас разбивать промысла». — «Зачем?» — «А вот зачем — то русские вверху были, а теперь чеченцы». — «Почему?» — «А вот почему: вас сюда никто не просил, и идите назад в Россию». — «А что будет с нами?» — «Всех уничтожим, кто нашу религию не примет»⁴.

7 декабря 1917 г. подразделения Чеченского полка захватили Грозный. Город покинули тысячи русских беженцев. Весь советский актив — председатель Грозненского городского совета рабочих и солдатских депутатов Ф.Д. Агапов, Н.А. Анисимов, А.Ф. Носов и др. — убыл в Ставрополь. На станции Прохладная эшелоны беженцев роковым образом оказались в одно время с поездом, в котором ехал терский атаман М.А. Караулов. Среди беженцев прошел слух, что вот в вагоне едет Караулов — начальник области и главный виновник несчастий грозненцев, вооруживший чеченцев против них⁵. Это вызвало вспышку ненависти и расправу с атаманом и его спутниками.

Но в это время уже были установлены отношения между грозненскими большевиками и казачьими ревкомками. И 13 января 1918 г. (н.ст.) революционные отряды вошли в Грозный; власть в городе перешла к ВРК, созданному в первую же ночь после возвращения в город на собрании представителей населения и организаций города и близлежащих станиц. Председателем ВРК вскоре стал большевик Г.З. Иоаннисиани. Вокруг военревкома стали создаваться отряды рабочей самообороны. Постепенно на первые роли стали выходить новые лица, среди них возвращавшиеся с фронта солдаты.

21-летний Гикало вернулся домой с группой солдат Турецкого фронта в декабре 1917 — январе 1918 года. В феврале он стал председателем городского совета рабочих и солдатских депутатов; в марте — председателем Грозненского комитета РКП(б); в апреле он прибавил себе еще одну должность — председателя горисполкома, а в мае еще и пост командующего гарнизоном Грозного. Эта должность освободилась после отъезда во Владикавказ «ответственного организатора Красной гвардии» эсера штабс-капитана М.К. Левандовского, который получал пост народного комиссара по военным делам Терской советской республики.

Все это время Грозный находился во враждебном окружении. Чеченский национальный совет, созданный в конце января 1918 г. и располагавшийся в селении Старые Атаги, придерживался линии невмешательства в

«русские дела», но горские массы считали себя в состоянии войны с русскими. Ситуация изменилась в апреле 1918 г., когда левая фракция совета, выступавшая за признание большевиков, во главе с Эльдархановым и Шериповым образовала альтернативный Чеченский народно-трудовой совет, получивший по месту нахождения название Гойтинского совета. Между Гикало и Шериповым установились товарищеские отношения. Гикало стал бывать в доме Шерипова в селении Шатой.

Во время «стодневных боев» с белоказаками Лазаря Бичерахова Гикало руководил ополчением грозненских рабочих (11 августа — 12 ноября 1918 г.), выступившим единым фронтом с армией Шерипова, собранной из жителей горной Чечни. Город был окружен белыми с трех сторон, но с южной — через предгорья, контролируемые чеченцами, он имел сообщение с внешним миром. Отсюда же поставлялись на фронт закупаемые у горцев боеприпасы и продовольствие.

В феврале 1919 г. Гикало, как и другим большевикам Грозного и Владикавказа, пришлось уйти в горы. Это отступление в ряде советских работ было представлено как дальновидный стратегический замысел по созданию советского анклава в тылу противника. В действительности руководство Терского совнаркома оказалось запертым в крае, потому что упустило время для отхода на север из-за неожиданного конфликта с ингушами, преградившими железнодорожную ветку из Владикавказа на Грозный⁶. Комендант г. Грозного, бывший рабочий Старых нефтяных промыслов большевик И.И. Сафонов не препятствовал эвакуации, но сам считал, что враг не войдет в город надолго и что скоро советская власть восстановится. Он был схвачен белыми в окрестностях Грозного и повешен на базарной площади, прямо в рядах, где торговали дешевым мясом и дивером. Уроженцы северного Кавказа покидать родные места не стремились. Они укрывались в родовых селениях. Чеченец Шерипов остался в Шатое, кумык Д. Кормасов — в Кумторкале; И. Зязиков и Х. Орцханов обосновались в ингушских горных аулах.

Из воспоминаний рядового участника боев за Грозный февраля 1919 г. Л.А. Чикалина можно узнать, что Гикало сопротивлялся в Грозном до последнего. Без его приказа уходили на север целыми отрядами, но он продолжал держать оборону с оставшимися. После сильных боев под Михайловской и Асиновской стало ясно, что нужно отступать, но дорога на Кизляр и Астрахань была уже отрезана. Взорвав бронепоезда и орудия, участники обороны Грозного шли колонной на Ачхой-Мартан, но чеченцы преградили им путь. Было очевидно, что Гикало растерялся и был обескуражен поведением недавних союзников. Чикалин спросил у него, что делать. Тот ответил, что не знает сам. Потом он приказал бойцам не нервировать горцев и небольшими группами кто как может пробираться в горы⁸.

Затем наступил период, который в официальной биографии Гикало был прикрыт фразой: «В 1919—1920 возглавлял вооруженную борьбу с войсками Деникина на территории Терской обл. и Дагестана»⁹.

Али Митаев, влиятельный чеченский шейх, в 1920 г. в ответе на статью, обвинявшую его в антисоветской деятельности, так охарактеризовал деятельность Гикало в начальный период белогвардейской оккупации Чечни: «Кто такой Гикало? Если он такой герой, почему он не возглавил в 1919 г. Чечню, оставшуюся без руководства? Чеченцы знают его отлично. За целый год, когда чеченцы вели смертельную борьбу с деникинцами, он был только в двух местах: в боях под Чечен-Аулом и Воздвиженской. Теперь, по прошествии времени, все боевые заслуги других он приписывает себе»¹⁰.

Не только свидетельство Митаева, но и архивные материалы из архива штаба Терской группы подтверждают: не только Гикало, но и другие боль-

шевистские руководители с февраля по осень 1919 г. не проявляли решимости в борьбе с белыми. Но и борьбу чеченцев с деникинцами не следует воспринимать в интерпретации Митаева. Как вспоминал поручик Николай Станюкович, в бою под Чечен-аулом действительно насмерть стояли тавлинцы (тавхли, так называли чеченцы жителей Нагорного Дагестана, состоявших в армии Узун-Хаджи) и чеченцы, но после падения аула «чеченцы почти без сопротивления переходили на сторону белых. Вскоре из них была даже сформирована целая дивизия, которая воевала с красными в Украине и в Крыму». То же подтверждают воспоминания Д. де Витта, эскадронного командира одного из полков Чеченской конной дивизии¹¹.

Итак, в феврале 1919 г. с маленьким отрядом Гикало отступил в горы. Весну и лето этого года он провел в состоянии политического небытия. Осенью 1919 г. он пошел на службу к Узун-Хаджи, аварскому шейху, имаму и эмиру, главе Северокавказского эмирства со штабом в крепости Ведено.

Гикало 22 года, но он не по летам мудр. Знает, когда молчать, когда говорить; когда требовать подчинения, когда благодарить и кланяться. Он добился благорасположения Узун-Хаджи, делая ему подарки от имени Кавказского краевого комитета РКП(б) — К.К.К., и получил в командование 5-ю армию эмирства. Он использовал преимущества, вытекающие из этого союза: брал «имамских» сопровождающих в поездках по горам, так как его собственные мандаты не признавало местное население¹². Отношения с командирами отрядов, которые входили в его армию, были весьма либеральные. Давая им указание, делал притаску: если это не входит в ваши планы, дайте знать. Когда эмирство совершало недружественные действия, например, изъяло пулеметы, которые гикаловцы везли через Ведено в Воздвиженскую, терпел, понимая свою уязвимость. И в то же время он четко понимал временный характер ситуации. Он отчитал командира ингушского отряда Заама Яндиева, когда узнал, что тот поддерживает отношения и с его штабом и со штабом армии Узун-Хаджи: «Я теперь не знаю, какие у вас войска: эмирские или советские?»¹³

Сильной его стороной была гибкость. Когда он еще не имел реальной власти (до начала 1920 г.), Гикало шел на компромиссы и соглашения с влиятельными местными лицами. Если для Узун-Хаджи были нужны рабочие разных специальностей, он находил их среди русского контингента, которым располагал, и посылал к нему¹⁴. Зная о неприязни к себе великого визиря эмирства Иналука Арсанукаева-Дышнинского, он стремился с помощью чеченца Мазлака Ушаева сохранять видимость нормального взаимодействия с визирем. Он был мастером восточной политики. То, что в таких условиях нужны лукавство и хитрость, понимали многие. «Мы, большевики... [должны] постараться провести своею хитростью хитрость восточных людей, визиря, имама и присных», — выразился один из сотрудников гикаловского штаба¹⁵.

Горскую ментальность Гикало хорошо знал. Чечня, не имевшая феодальных владений, была разделена по другому принципу — на зоны влияния мулл, шейхов и т.д. Гикало и его штаб использовали их взаимную ревность. Завести дружбу можно было, заверив шейха, что являешься врагом его врага, подкрепив слова услугой или подарком. Гикало сотрудничал с шейхами и мюридами накшбандийского тарриката, мстившими казакам за убийство своего лидера Дени Арсанова в декабре 1917 г., их усилиями были созданы подпольные сельские советы, вокруг которых шла организация желающих вступить в отряды.

Узун в свою очередь держал возле себя большевиков, потому что они ему были полезны как источник наличности, с которой у него случались постоянно проблемы. Чеченцам, в домах которых стояли тавлинцы, нужно

было платить деньги за содержание этой личной гвардии Узуна. Имаму было что продать большевикам. На его складах пылилось оружие, боеприпасы, обмундирование.

Реввоенсовету XI армии 1 января 1920 г. Гикало докладывал о существовании натянутых отношений между штабом повстанцев и эмиром Узун-Хаджи¹⁶. В действительности же они были не столь уж плохими. Но Гикало улавливал, что всякое полезное, но политически сомнительное сотрудничество — дело домашнее, которое лучше на люди не выносить. В то же время степень своего влияния на горцев — основу его повстанческой армии, он любил в отчетах преувеличивать.

В 1919 г. деньги от К.К.К. из Баку приходили к отрядам, расположенным в горных районах Ингушетии и Чечни, тоненьким ручейком. Основным объектом финансирования был Дагестан, как кратчайшая дорога к бакинской нефти. Неоднократно по рекомендации РВС Каспийско-Кавказского фронта повстанцы, располагая малыми силами, пытались готовить и предпринимали выступления в тылу белых — летом, в начале осени, в начале зимы 1919 года. Но все они заканчивались провалом. Каждый раз после неудач приходилось все начинать с начала. Для этого командиры партизанских отрядов имели свой мотив — сохранить влияние на население и на бойцов отрядов, которым обещали близкую победу. Заам Яндиев, командир ингушского отряда, писал Гикало, что настроение бойцов беспокоит его, что обстановка в отряде заставляет его думать о начале активных действий или о прорыве через фронт. Дело в том, что родные села членов его отряда были сожжены белыми, жители отступили далеко в горы и бойцы стремились последовать туда же. Единственное, что могло их удержать, это поход в расположение регулярной Красной армии с богатыми индигантскими складами или заманчивость военной добычи. После серии безуспешных выступлений Гикало волевым решением наложил запрет на новые выступления и ориентировал ревкомы на подготовительную работу и сохранение боеспособности, при этом рекомендуя не гнаться за численностью отрядов¹⁷.

К концу 1919 г. центр решил поддержать деньгами укрывшихся в горах. Гикало, докладывая в центр о настроениях горцев, тенденциозно подавал сведения о массовом ожидании прихода Красной армии: «Здесь у нас имеется со всеми связь, но нет средств — денег на работу по подготовке восстания». Он знал, что только хороший отчет сопровождается хорошим финансированием. О настроениях горцев он доносил: «Сколько бы ни уверяли и ни говорили, что горцы восстают движимые национально-религиозными побуждениями — неправда. Все эти чувства переживаются и даже пережиты. Одно стремление, одна цель горцев — советская власть... Все почти воинские части (мобилизованные из крестьян и рабочих) также ждут не дождутся восстановления советской власти»¹⁸.

24 января 1920 г. он был назначен командующим Терской группой красных повстанческих войск¹⁹. Свою политику Гикало соизмерял с возможностями, и реальные обстоятельства влияли на стиль его поведения. Когда пошли деньги, изменилось и поведение Гикало. Его дремавшая до поры до времени амбициозность проснулась, и, собрав силы повстанческой армии, из лица незначительного он стал ведущей политической фигурой в регионе.

Как свидетельствует штабная переписка с полевыми командирами, мотивы сотрудничества простых горцев с большевиками имели не идейный, а прагматический характер. Любое изменение соотношения сил вызывало изменение симпатий местного населения. С начала 1920 г. большевистский штаб выглядел в горах Чечни наиболее существенной силой, как в организационном плане, так и в силу материальных возможностей — небольших, но

превосходящих возможности противника. Поэтому обеспечить себе место вблизи нового лидера стремились многие. В борьбе за это они доносили друг на друга, сплетничали, шпионили за Узун-Хаджи и его визирем; старались выслужиться перед Гикало, оказывая мелкие услуги.

От горцев он получал уверения в искренней приверженности большевизму, это запечатлено в полученных им письмах; вероятно, то же он слышал и в их речах. Однако Гикало понимал, что ими движут в значительной степени соображения выгоды, стремление получить доступ к материальным и денежным ресурсам. Сотрудник его штаба Михаил Кирисенко жаловался 6 февраля 1920 г.: «Каждая сволочь предлагает свои услуги только с целью алчной наживы, пользуясь сложившимися обстоятельствами. За услугу отвезти письмо в Шатой и привезти ответ просят ПЯТЬ ТЫСЯЧ чистый деньга»²⁰.

О том же сообщали Гикало и наиболее приближенные к нему горцы. Интеллигент из местных, цитировавший стихи Надсона, писал ему 24 января: «Сделаю все, что будет возможно... но за блестящие результаты не ручаюсь. Нужны средства, которые главным образом будут являться приманкой». Чеченец Мазлак Ушаев подчеркивал, что есть идейные сторонники большевиков, а есть «попутчики», которых можно купить: «Мы работаем в пользу нашей советской власти», писал он 4 марта 1920 г., но есть люди, которые «стараятся столкнуть меня с моего поста потому, что теперь все знают, что я имею дело с вами. Вы не думайте, [что] если я прошу от вас что-нибудь, то это для себя, но нет, я прошу для общего дела». Без этого нельзя обойтись. «Наш народ продаст за деньги свою жизнь». Аббас Гайсумов, духовное лицо, подтверждал действенность такого метода: «Я считаю правильным и первой задачей назначить денежное вознаграждение некоторым муллам и даже уплатить им наличными сколько-нибудь из наших средств... Вам известно, как Узун-Хаджи назначил своему товарищу по 10 000 руб. и даже 15 000 руб. в месяц. Казаки также последнее время отпускали большие суммы для агитаторов. Народ темный, большей частью идут за деньги». Начальник отдела снабжения Николай Гусев, отвечавший за закупку продовольствия и военного снаряжения для создающейся армии, 26 января просил штабное начальство: «Денег присылайте сюда побольше. Не скупитесь, потому что наличие средств увеличивает престиж, а самое главное кредит»²¹.

Получаемые из Астрахани деньги шли на закупку у горцев различного имущества и вооружения; на выплаты горцам, выразившим желание вступить в отряды большевистской ориентации. Считать это вульгарным подкупом и отношениями наемничества в форме, известной европейской культуре, нельзя. Оплата, на которую рассчитывали «мюриды революции», вытекала из адатного представления о том, что лидер, вождь берет на себя содержание каждого наиб-мюрида, включая оружие, коней, снаряжение и обеспечение семьи²². Обещания, щедро раздаваемые большевиками, встречали благодарное понимание.

Хаджи-Мурат Магометович Мугуев, начальник политагентуры экспедиционного корпуса XI армии и будущий советский писатель, рекомендовал Гикало для укрепления позиций следующее: «Необходимо оповестить в самом срочном порядке все трудящиеся массы горского населения о том, что все разоренные аулы, все в конец обнищавшие от рук деникинцев горцы, активно выступившие за Советскую власть, с приходом ее на Кавказ не будут забыты, а наоборот, каждый аул, и не только аул, но и пострадавший горец будет широко возмещен за нанесенные ему белыми убытки»²³.

Понимая, что с пустыми карманами никого долго не удержишь, командующий Терской группы давал обещания такого рода: «Все ваши люди, сколько бы их ни было, будут удовлетворены. Приложите все усилия и всю свою

энергию на то, чтобы дело было сделано, а мы со своей стороны можем сказать, что тов. Исаев и его ближайшие помощники никогда не будут забыты. А что мы говорили, то и делаем»²⁴.

Пусть пыль в глаза удавалось, но с большим трудом. В слободе Шатой, где находились основные силы гикаловской армии, продовольствия временами не хватало. Гикало пенял командиру 1-го Сводного красноармейского отряда Краснопахтину, что солдаты его батальона «ходят на слободу и просят у жителей хлеба», чем дают повод распускать «провокационные слухи о недостатках отряда»²⁵. Это происходило после того, как за неделю до этого в неудачном бою у станицы Воздвиженской отряд потерял свой обоз, а прибытие новой партии денег задерживалось из-за больших снегов.

Выбор в пользу большевиков был сделан чеченцами, разумеется, не только из-за денежных возможностей Терской армии, значительная доля которых заключалась в обещаниях рассчитаться за содействие после победы над белыми. Ведь отказывались же они вступать в отряд, формировавшийся добровольческим командованием, с окладом 4 тыс. руб. в месяц. Значит, ключевым фактором стала возникшая уверенность в том, что победа будет за большевиками и что этот выбор приблизит конец войны. Изменилось поведение большевиков: из несущих меч и огонь, они стали более гибкими. Как рекомендовал Мугуев, начальник политагентуры: «Пишите воззвания, летучки, листовки, но только не в духе 1918 года. Сейчас более новый воздух, избегающий всяких репрессий и угроз»²⁶.

С малых лет Гикало жид в Грозном и, знал, как здесь меняются настроения и склонности. Он целенаправленно формировал такой свой образ, который будет наиболее значим в глазах горцев. Он использовал слабые места мулл и шейхов. Знал, как можно нейтрализовать уязвимые стороны местного ополчения. Хорошо читал язык горского поведения.

Для горцев ревность и открытое соперничество были естественными свойствами характера. Быть первым — в этом тоже проявление джигитства. Движимые этими чувствами, горцы в годы Кавказской войны отказывались подчиняться приказам командиров, назначенных руководить боевыми операциями; вступали в сношения с противником и выдавали ему военные секреты²⁷. Древний дух соперничества заставлял командира Гойтинского отряда Х. Дорлиева сообщать Гикало, что якобы до него дошли слухи о намерении отправленных за деньгами людей сговориться с абреками об инсценировке ограбления. И Дорлиев просил расследовать это дело²⁸. Ясно, что это был способ напомнить о себе, продемонстрировать лояльность. Если бы была и ему возможность принять участие в похищении денег, Дорлиев пошел бы на это.

Горцы были не так уж просты и наивны. Гикало отлично знал местную манеру поведения. Обратимся к комплекту писем некоего Мухтара Эсенбаева²⁹ (какие-либо сведения о котором в источниках отсутствуют), кумыка из села Старые Атаги. Оказавшись в октябре 1919 г. без работы, а прежде он, по-видимому, служил в аппарате правителя Чечни генерала Эрисхана Алиева, Эсенбаев стал искать новое применение своим силам. Первым, к кому он обратился 13 января 1920 г., был Гикало. Они еще не были знакомы, и Эсенбаев отрекомендовал себя как сочувствующего идеям социализма, примкнувшего к движению еще при старом режиме, и просил позволения стать доверенным лицом лидера большевиков. Он готов стать агитатором за советскую власть, так как «с психологией Чечни хорошо знаком». Эсенбаев подчеркивал свою принципиальность и твердость выбора: несмотря на материальные трудности, на компромисс с «деспотами казаками» не пошел.

Через пять дней Мухтар написал еще два письма — в связи с тем, что Гикало сообщил ему об отсутствии в штабе вакансий. Одно письмо, с выражением обиды, адресовано Гикало: «Пользуясь полным авторитетом среди чеченцев и бедноты Чечни, [которая] относится ко мне с полным вдохновением и уважением, это я завоевал в то время, когда никто не представлял себе, что беднота и пролетарий увидит свое торжество... Играя такую решающую роль среди психологии, я предложил свои товарищеские услуги, [чтобы] оказывать всевозможные содействия. Вы, не поняв меня, отвечаете, что не можете дать нам ответственное место. Социалист место не достает, а должен завоевать себе».

Одновременно он написал почтительное, велеречивое послание к «великому визирю Северокавказского эмирата Иналуко-Касимбеку Арсанукаеву-Дышнинскому», своему давнему знакомому. Мухтар напомнил Арсанукаеву о том, что предрекал ему «первенствующие роли среди той психологии», которая была недовольна царской властью. О своем социализме Эсенбаев на время забыл и стал правоверным мусульманином.

«В деле великом и святом — торжестве мусульман, направленном к осуществлению Великих идеалов панисламизма, к чему стремились наши предки и немало принесли жертв... Вы счастливы, что являетесь и полным властелином этого мира, за короткое время завоевав симпатии народа, и проводите идеи свои в жизнь, на защиту панисламизма... Прошу принять от меня салам и маршалла... Меня Вы знаете отлично — моих личных и нравственных качеств... Готов к услугам... и ожидаю от Вас предложение принять какую-либо ответственность на себя. Сделайте милость. Пребываю корнет Мухтар Эсенбаев».

Второе письмо отличается от первого не только идейными основаниями, но и некоторыми внешними признаками. Во-первых, это переход на старорежимную лексику: «сделайте милость», «корнет Эсенбаев»; во-вторых, обозначение даты написания писем к Гикало — по недавно введенному большевиками григорианскому календарю, а к Дышнинскому — и по новому и по старому стилю, «18(5) января».

Факт обнаружения в архиве гикаловского штаба, располагавшегося тогда в Шатое, письма, адресованного Иналуку Арсанукаеву в Ведено, свидетельствует о том, что оно не дошло до адресата, а было изъято из входящей корреспонденции кем-то из агентов Гикало и переправлено ему. Это характеризует ситуацию в аппарате Северокавказского эмирства.

Третье письмо Эсенбаева на имя Гикало (от 26 января) состоит из оперативной информации разной степени достоверности, слухов, хвастливых напоминаний об уже оказанных повстанческой армии услугах.

Новую попытку найти себе место при новой власти Эсенбаев сделал в июне 1920 года. Он не нашел ничего лучшего, кроме как разоблачение опередивших его братьев Шериповых, в частности Заурбека, который стал заместителем Т. Эльдарханова. Близость Шериповых к большевикам он объяснял заслугами их брата Асланбека и его героической гибелью, но не убеждениями представителей этой семьи. О Заурбеке писал, что он ни к чему хорошему не способен «как теоретик — диалектик, критик и подлец». Свое право кри-

тиковать Шериповых Эсенбаев объяснял идейными мотивами, выражая готовность взяться за работу и доказать на деле свою верность революции. Следующая фраза из его письма действительно идет от сердца: «Я, откровенно говоря, служил честно при старом режиме, служил при Доброармии и буду служить, бог даст, на благо народу советской России; идея и честная служба, одна не мешает другой, потому что я не офицер и не чиновник, а канцелярист, владеющий пером, но не винтовкою».

С одной стороны, Гикало не доверял горцам в полной мере, о чем свидетельствует его обмен мнениями с русской частью сотрудников штаба. Но, с другой — он не мог обходиться без их посредничества, когда требовалось войти в контакт с Узун-Хаджи или турками. Например, горное орудие, которое Узун отказался продать начальнику административного отдела гикаловского штаба М.С. Мордовцеву, было обещано Мазлаку Ушаеву после его разговора с имамом, в котором чеченец упомянул о якобы существующей неприязни между Сугаип-муллой Гайсумовым и Гикало, чему имам обрадовался и сказал, что будет работать с Гикало, и «в этот момент он разрешил взять орудие», как отметил Ушаев описывая эту встречу (чеченцы Гайсумовы, лидеры соперничающего накшбандийского вирда, находились с аварцем Узун-Хаджи во вражде). В действительности Гайсумовы тайно сотрудничали с Гикало: выполняли роль информаторов, прятали людей, которые оказались в опале у Узун-Хаджи³⁰. Ушаев сказал Узуну неправду, зная, что это поможет выполнить поручение.

Подобная практика использования местных конфликтов для решения собственных задач нашла широкое применение у большевиков. Киров в докладе «Текущий момент и международное положение» на 3-й Астраханской губернской партконференции в ноябре 1919 г., подводя итоги, заявил: «На Северном Кавказе мы действовали умело. Мы создали там анархию, возбуждая одну группу [населения] против другой — и старались в это время организовать рабочих. И это нам удалось»³¹.

Чечня, не имевшая феодальных владений, была разделена по другому принципу — на зоны влияния мулл, шейхов и т.д. Их соперничество умело использовали большевики — и во время войны, и после ее окончания. После возвращения советской власти на Северный Кавказ назначенный заместителем председателя Чеченского облисполкома осетин Н.М. Саламов во время восстания аварского шейха Нажмудина Гоцинского сумел поднять против него Гайсумова, сыграв на его самолюбии. Он передал ему привет от В.И. Ленина и заверил, что «если советская власть решит дать горцам духовного главу, то это будет не толстобрюхий Гоцинский, а уважаемый Сугаип-мулла»³². Мулла проехал по селам, а с ним ехал Саламов с переводчиком-ингушом, и местное население клялось в верности советской власти и выносило соответствующие решения. Саламов называл свое поведение маневром и гордился проявленным искусством политика.

С полным текстом документа
можно ознакомиться в
библиотеке